

В. И. Еремина
(Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЭПОСА

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования историко-типологической теории эпоса. Новая теория XX века создавалась постепенно: от выявления единства закономерностей эпического творчества и уточнения ряда положений на максимально широком материале «живого» еще эпоса — к объяснению законов развития типологических соотношений, к проникновению во внутренние законы фольклорного творчества.

Ключевые слова: эпос, типологические аналогии, заимствования, сюжет, метод, семантика.

Abstract: The article considers the process of formation of the historical-typological theory of the epic. A new theory of the 20th century was created step by step: from revealing the unity of the laws of epic creativity and clarifying a number of provisions on the widest possible material of the “live” epic to explaining the laws of development of typological relationships, and penetrating into internal laws of folklore.

Keywords: epic, typological analogies, borrowings, plot, method, semantics.

Метод историко-типологических аналогий, который способствует раскрытию исторически обусловленной закономерности процессов литературного развития, впервые был сформулирован В. М. Жирмунским в статье 1920 г. «О поэзии классической и романтической»¹. Для автора статьи французский классицизм XVII и XVIII вв. и романтизм начала XIX в. являются частными примерами «типологического противоположения».

¹ Жирмунский В. М. О поэзии классической и романтической // Жизнь искусства. 1920. 10 февр., № 367. С. 2; 11 февр., № 368. С. 1. Статья переиздана: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 134–137, 175–181.

Оценивая впоследствии новую поэтическую школу начала XX в., Жирмунский обнаружил и в теории акмеизма определенные закономерности, которые привели к ее возникновению. Он дал символизму и поэзии акмеизма типологическую характеристику: в символизме он видел продолжение музыкальной лирики романтиков, в акмеизме — параллель к «сознательному искусству».

В 1958 г. в докладе, прочитанном В. М. Жирмунским на IV Международном съезде славистов, речь шла уже не о литературных типологических аналогиях, а о вопросах происхождения многонационального эпического творчества, исторические судьбы которого более двух столетий вызывали споры и неоднозначные толкования. Доклад В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса»² явился поворотным моментом в изучении героического эпоса. Разрабатывая историко-типологический поход в рассмотрении эпического творчества, В. М. Жирмунский в своих рассуждениях исходил из известного положения А. Н. Веселовского о том, что живой, еще поющийся эпос является ключом к пониманию как народного эпоса, так и эпоса, дошедшего до нас в письменных памятниках (поэмы Гомера, «Нибелунги» и пр.)³.

В 1920-е–1950-е гг. русский героический эпос еще активно бытовал. Организованные в эти годы экспедиции — Российского института истории искусств 1926–1929 гг. в Заонежье, на Пинегу, Мезень и Печору, экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых по следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга 1926–1928 гг., Вологодская экспедиция 1937 г. и пр. это подтверждали. Сербский эпос в его живом бытовании активно записывался М. Пэрри и А. Лордом⁴.

Сравнительное изучение эпосов разных народов в 30-е–40-е гг. XIX в. было предпринято в работах ряда зарубежных ученых. В. М. Жирмунский ссылается на труды Чадвиков, С. М. Боура, Т. Фрингса⁵, в которых были использованы материалы русско-

² *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958.

³ *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1940. С. 622.

⁴ *Serbo-croatian Heroic Songs / Collected by M. Parry, ed. by A. Lord.* Belgrad; Cambridge, 1953–1954. Vol. 1–2. Публикации из собрания М. Пэрри были продолжены в серии «Publication of Milman Parry Collection»: 1974 (vol. 4), 1979 (vol. 14), 1980 (vol. 6) и т. д. См. также: *Lord A. B.* The Singer of Tales. Cambridge, 1960.

⁵ *Chadwick H. Munro, Chadwick N. Kershaw.* The Growth of Literature. Cambridge, 1932–1940. Vol. 1–3 (о русском и сербском эпосе см. т. 2); *Bowra*

го, южнославянского, германского и восточного эпосов. Подробное рассмотрение видимых международных параллелей привело В. М. Жирмунского к уточнению известного положения А. Н. Веселовского о международном характере народного эпоса⁶. Международный характер, подчеркивает В. М. Жирмунский, имеют прежде всего сюжеты сказок, о чем свидетельствуют указатели сказочных сюжетов, хотя и это положение нуждается в дополнительном историческом объяснении. Международный характер в типологическом (но не генетическом плане) имеют и многие эпические темы, мотивы и сюжеты. Однако вопрос об их заимствовании из письменной и устной литературы в области героического эпоса должен ставиться гораздо осторожнее, чем в других областях народного творчества⁷. Героический эпос, в отличие от сказки, не мигрирует, а потому для его весьма редкого заимствования нужны были в каждом отдельно взятом случае особые социально-исторические условия. Наличие международных типологических взаимосвязей, обусловленных близостью их общественного и культурного развития, не снимает, по мнению В. М. Жирмунского, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: «...напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Однако в старых работах по сравнительному изучению эпоса масштабы таких взаимодействий необычайно преувеличивались: всякие типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривались как заимствования. В результате подобных исследований складывалось убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа»⁸.

В своих обобщениях А. Н. Веселовский опирался в значительной степени на данные из истории эпосов славянских, французских, итальянских и германских народов. Им же были заложены

C. M. Heroic Poetry. London, 1952; Frings Th. Europäische Heldendichtung // Neophilologus. 1949. T. 24. S. 1–29; Frings Th. Die Entstehung der deutschen Spielmannsepen. Leipzig, 1951 (Sächsische Akademie der Wissenschaften); Frings Th., Braun M. Brautwerbung. Leipzig, 1947. T. 1.

⁶ «Народный эпос всякого исторического народа по необходимости международный» (*Веселовский А. Н. Южнорусские былины // Сб. Отдния рус. яз. и словесности АН. СПб., 1881. Т. 22, № 12. С. 401*).

⁷ См. об этом: *Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 113 и др.*

⁸ Там же. С. 90.

основы французско-итальянской теории. Тонкие и осторожные славяно-романские сближения, сделанные А. Н. Веселовским, в дальнейшем были во многом вульгаризированы его последователями⁹. В. М. Жирмунский не отрицал возможности единичных случаев влияния французско-итальянского эпоса на южнославянский, поскольку этому, по-видимому, содействовало культурное общение на территории Дубровника и Далматинского побережья. Однако подобные влияния скорее всего должны быть рассмотрены в области сюжетов новеллистического, а не героического характера. В любом случае эти воздействия могли иметь лишь периферийный характер, не затрагивающий существа процесса образования южнославянского эпоса¹⁰.

Сравнительное изучение русского героического эпоса и южнославянских юнацких песен показало безусловное тематическое сходство между ними. На этом сходстве основан целый ряд древних эпических мотивов и сюжетов, таких как героическое сватовство, змееборство, образ девы-поленицы и др. Однако, подчеркивает В. М. Жирмунский, «историческая связь генетического характера между сюжетами русского и южнославянского эпоса, там, где она существует, не носит характера непосредственного взаимодействия, заимствования с той или с другой стороны: она возникает в большинстве случаев <...> в более поздний период, в результате распространения международных сюжетов песенного новеллистического, сказочного (“балладного”) характера»¹¹.

У разных народов мира основы героического эпоса относятся к разным историческим периодам. Взаимосвязи в области эпоса в каждом конкретном случае в значительной степени индивидуальны, и они должны получать самостоятельное объяснение, несмо-

⁹ *Халанский М. Е.* Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893–1894; *Халанский М. Е.* К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1889. Т. 21. С. 260–282; *Халанский М. Е.* К вопросу о заимствованиях в южнославянском эпосе // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1884. Т. 11. С. 99–113, 233–243; *Банашевич Н.* Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље, 1935. С. 79–83; *Банашевич Н.* Le cycle de Kosovo et les chansons de geste // *Revue des études slaves*. 1926. Vol. 6. P. 224–242.

¹⁰ *Жирмунский В. М.* Эпическое творчество славянских народов... С. 101.

¹¹ Там же. С. 115.

тря на то что близость языков и культуры по-прежнему должны как обязательное условие присутствовать в любом из этих случаев. В статье «К вопросу о странствующих сюжетах»¹² В. М. Жирмунский утверждал, что для песенного взаимодействия между немцами и французами языковых и культурных связей оказалось недостаточно для взаимопроникновения эпических песен. Немцы не знали эпических песен о Роланде, французы — песен о Зигфриде. И это тем более удивительно, что «Песнь о Роланде» «была переведена на немецкий язык “попом Конрадом” из Регенсбурга еще в середине XII в.; перевод сохранился во многих рукописях и несколько раз перерабатывался в течение XIII–XIV вв.; переводилась и поэма “Алисканс” из цикла Гильома Оранжского, притом таким выдающимся поэтом, как Вольфрам фон Эшенбах (“Willehalm”, 1210–1220). Однако это не сделало ни Роланда, ни Вивьена и Гильома героями немецкого народного эпоса»¹³. Примеры эти очень показательны и далеко не единичны.

Исходя из всего сказанного, становится совершенно очевидно, что вопрос о происхождении героического эпоса нуждался в серьезном и решительном пересмотре. Сравнение, то есть установление сходства или различия между историческими явлениями, неоднозначно, оно «может преследовать разные, хотя и взаимосвязанные задачи, смешение которых приводит к путанице, отражающейся и на методике сравнительно-исторического анализа»¹⁴. В. М. Жирмунский пришел к убеждению о необходимости различать следующие аспекты сравнительно-исторического исследования: 1) простое сопоставление литературных явлений; 2) сравнение историко-типологическое, которое способно в результате близких условий общественного развития объяснить сходство генетически не связанных между собой явлений; 3) сравнение историко-генетическое, объясняющее явления родственные по происхождению, но разошедшиеся, трансформированные в процессе исторической эволюции; 4) и наконец, сравнение, устанавливающее в результате культурных взаимодействий (заимствований) генетические связи между явлениями. Культурные взаимодействия являются «дополнительным фактором генетического порядка, важное значение которого невозможно оспаривать, поскольку в реальных истори-

¹² Жирмунский В. М. К вопросу о странствующих сюжетах. Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // Изв. Отд. обществ. наук АН СССР. 1935. № 9. С. 775–811.

¹³ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 118.

¹⁴ Там же. С. 6.

ческих условиях не существовало и не существует абсолютно изолированного общественного и культурного развития»¹⁵.

Новым в этой градации стало положение об историко-типологическом виде сопоставлений, главной предпосылкой, основой которого оказывается единство и закономерность процесса социально-исторического развития человечества, чем, в свою очередь, «обусловлено развитие литературы (или фольклора) как одной из идеологических надстроек»¹⁶. Определив для себя, почему возможны сопоставления историко-типологического типа, необходимо было понять, в каких пределах эта теория приложима к конкретному материалу.

Тщательное и многолетнее изучение среднеазиатского фольклора (эпоса, в частности) привело В. М. Жирмунского к убеждению: несмотря на то, что восточные материалы позволяют подчас вскрыть древнюю тотемическую основу сюжета, окончательно утраченную на европейской почве, возводить эпический сюжет напрямую¹⁷ к тотемическим верованиям было бы ошибкой, ибо нельзя не учитывать посредника между этнографическим субстратом как источником и его отражениями в мифе и эпосе. Таким посредствующим звеном, по В. М. Жирмунскому, являлась «богатырская сказка», которая в своей архаической форме сохраняет целый ряд мотивов, известных как в восточном эпосе (тюркском), так и в эпосе индоевропейских народов. Примером тому могут служить известные мотивы брачных состязаний, магической неуязвимости героя (Ахилл, Алпамыш, Зигфрид и др.).

Не следует искать и прямой зависимости эпоса, русских былин, в частности, от летописных рассказов, хотя бы потому, что былина значительно древнее, чем исторические события, отраженные в письменных источниках. В. М. Жирмунский также полагал, что не весь состав русского героического эпоса восходит к «богатырской сказке». Ученый рассматривал типологические сходжения в области эпических сюжетов и более нового происхождения, возникшие в средние века и характерные для феодальной эпохи. В качестве примера можно привести следующие широко известные мотивы: заточение богатыря в темницу и его вынужденное освобождение при приближении врага (рус. «Илья Муромец и Калин-царь»), спасение героя из плена дочерью чужеземного царя (южнослав. «Марко и дочь арапского

¹⁵ Там же. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Ср. позицию представителей этнографического направления в фольклористике: Дж. Фрэзера, Э. Б. Тэйлора, А. Лэнга и др.

короля»), убийство героя во время охоты (убийство Зигфрида в «Эдде») и др.

Общий вывод новаторского исследования В. М. Жирмунского по вопросам сравнительного исследования эпоса сводится к следующему: «Сравнительное изучение эпоса может быть плодотворным только в том случае, если четко различать сравнение историко-типологическое от сравнения генетического (заимствования) <...> Разграничение типологических схождений и заимствований в эпосе имеет исторический характер. Эпос собственно героический, в соответствии со своим местным национальным и историческим содержанием, не легко поддается международным литературным влияниям со стороны. Черты сходства между героическим эпосом разных народов имеют почти всегда типологический характер»¹⁸.

В 1950-е гг. над вопросами происхождения и исторического развития русского героического эпоса параллельно с В. М. Жирмунским работал и В. Я. Пропп. Отношение эпоса и истории, неудовлетворительно решенное, по мнению В. Я. Проппа, предшествующей наукой, — реконструкция мифа из эпоса как метод изучения былин (мифологическая школа); создание былин в определенном месте и в определенное время и дальнейшее их странствие от народа к народу (компаративисты); рассмотрение эпоса как устной исторической хроники близкой к летописи (историческая школа), нуждалось в серьезном пересмотре. В. Я. Пропп был убежден, что любое фольклорное произведение, былина в том числе, не может иметь первоначального текста, в связи с чем он вводит понятие народного замысла (то есть совокупности идей, основного конфликта, сюжетных положений и отношений между героями), который во всей своей «художественной цельности» изначально реализуется в многообразии вариантов. Чтобы вскрыть всю глубину и красоту народного замысла, различные способы его художественного воплощения, В. Я. Пропп предпринял гигантский труд по рассмотрению в этом ключе всего состава русского героического эпоса, изучив при этом структуру, версии, редакции и варианты каждого конкретного сюжета, в конечном счете раскрывая идею, как «первое условие исторического изучения былин», как «решающий критерий для отнесения песни к той или иной эпохе»¹⁹. Причем решал он эти вопросы в тесной взаимосвязи художественного и исторического анализа.

Историческое изучение былин показало, что часть сюжетов сохраняет «следы пройденных эпох», в других случаях эти сле-

¹⁸ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов... С. 144.

¹⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. М., 1958. С. 25.

ды стертые, и историческое приурочение таких песен будет носить иной раз предположительный, гипотетический характер»²⁰. В отличие от многих своих предшественников, В. Я. Пропп рассматривает процесс сложения былины не как однократный акт, а как длительный процесс. Любая былина несет на себе печать пройденных столетий. В связи с этим В. Я. Пропп ставит вопрос и об отношении эпоса и истории. Отвергая положения старой школы о том, что эпос отражает прямо или пассивно историю, отдельно взятые исторические события, ученый призывал изучать русский героический эпос применительно к эпохам, периодам ее развития.

Временем сложения былин русская фольклористика XIX начала XX в. определяла как период Киевской Руси, то есть X–XII вв. В. Я. Пропп, солидаризуясь с В. М. Жирмунским, считал Киевскую Русь периодом расцвета русского героического эпоса, а его образование относил к далекой архаической эпохе, к периоду до образования государственности. Типологические, но никак не генетические схождения с эпосами других народов, с запозданием проходящие ранний (прямо не сохранившийся у русских) этап сложения и живого бытования эпоса, дают возможность представить себе былинный эпос догосударственной стадии, следы которого достаточно отчетливо прослеживаются и в русском героическом эпосе.

Эпос создается в пору разложения родового строя, на почве мифологии, считает В. Я. Пропп, но не является плодом ее эволюции: «Пользуясь художественным арсеналом, созданным мифологией, эпос по своей идейной направленности обращен против мифологии, из которой он вырастает»²¹. То есть миф и эпос «диаметрально противоположны один другому по своей идейной направленности»²². Ранний русский эпос (например, былины о Волхе, о Святогоре, о Соломане и Василии Окуловиче и др.) был создан до образования Киевской Руси, потому-то В. Я. Пропп и назвал его «догосударственным». Русский героический эпос эпохи образования государства, утверждал исследователь, не может быть рассмотрен «как продолжение эпоса, который начал складываться в предыдущую, догосударственную эпоху»: «Он так же не есть продолжение родового эпоса»²³, как государство не есть непосредственное продолжение или развитие родового строя»²⁴.

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Там же. С. 33.

²² Там же. С. 35. Точка зрения В. Я. Проппа, как мы увидим далее, не совсем совпадает с позицией Е. М. Мелетинского.

²³ Однако черты родового строя в нем обнаруживаются.

²⁴ *Пропп В. Я. Русский героический эпос.* С. 59.

Отсюда вытекают метод и цели исследования, которые сводятся к пониманию старого и нового не как продолжения одного из другого, а как конфликт, что, однако, не означает полного разрыва с традицией. Старые сюжеты продолжают жить, но наполняются новым содержанием, причем степень переработки их оказывается разной. Одни сюжеты переосмыслились с целью утверждения молодого государства и тогда ранние мотивы о борьбе с чудовищами превращались в мотивы о противостоянии героя «историческим» врагам. Другие сюжеты (в основном песни о сватовстве) приобретали «полусказочный характер». Новые сюжеты раннего киевского эпоса уже не были связаны с традицией доисторического прошлого, в них традиционны только былинная форма и способ исполнения. Не выводим из традиции и характер новых героев, потому что этот характер и не создан ею.

Между представлениями о времени происхождения героического эпоса и его дальнейшей судьбе у В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа нет принципиальных расхождений, несогласие лишь чисто терминологическое: то, что В. М. Жирмунский называет «богатырской сказкой», В. Я. Пропп считает «догосударственным эпосом».

Вопросам происхождения героического эпоса посвящена книга Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса».²⁵ Автор дает широкую картину сопоставлений архаических эпических памятников и фольклора «культурно отсталых» народов, что помогает выделить в этой «эпической эпохе» «древнейшую ступень, на которой “прометеевский” пафос защиты первых завоеваний цивилизации человечества (наивно отождествляемого со своим племенем) в борьбе со стихийными силами природы еще не отступил перед воинской богатырской героикой в собственном смысле слова. Этой стадии свойственны известная ограниченность мировоззрения и примитивность поэтических средств, но вместе с тем, как всегда в искусстве, ей присуща своеобразная неповторимая красота»²⁶.

Труды В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа, по словам Е. М. Мелетинского, «в общетеоретическом плане “открыли” архаическую героическую эпическую поэтику и дали картину важнейших процессов формирования эпоса»²⁷. Это прежде всего касается древних эпических тем и сюжетов, таких как героическое сватовство и борьба с чу-

²⁵ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Там же. С. 19.

довищем. Е. М. Мелетинский поставил перед собой задачу на широком материале разработать систему жанровых особенностей догосударственных форм героического эпоса, для чего и был необходим анализ взаимоотношений ранних форм героического эпоса с древнейшими формами мифологического и сказочного эпоса. В. Я. Пропп предысторию русских былин выводит из типологического сопоставления с эпическим творчеством неславянских народов Сибири, В. М. Жирмунский для той же цели сравнивает героические поэмы тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Е. М. Мелетинский, определяя первобытные истоки эпоса, максимально расширяет исследовательское поле, рассматривая как материал для сопоставления карело-финские эпические руны, древнейшие героические сказания народов Кавказа и богатырские поэмы тюрко-монгольских народов Сибири. Столь широко взятый сравнительный материал дал ему возможность полно показать эпическую традицию доклассового общества. Выяснив специфику карело-финских рун, нартских сказаний осетин и адыгов, грузинского эпоса об Амирани и армянских сказаний о «неистовых» Сасунцах, Е. М. Мелетинский перешел к рассмотрению стадиально и хронологически древнейшего шумеро-аккадского эпоса о Гильгамеше²⁸. На этой широкой исследовательской базе были установлены общие закономерности в соотношении «догосударственной героико-эпической архаики с первобытнообщинным наследием <...> и более поздними (возникшими на стадии государственной консолидации) эпическими памятниками»²⁹.

Особая сложность привлекаемого для анализа сопоставительного материала заключалась в том, что, в силу объективных при-

²⁸ Гильгамеш является одним из первых победителей Змея. Поэма о Гильгамеше — самый известный клинописный памятник древнеавилонского героического эпоса, сохранившийся в шумеро-аккадской (эпический цикл) и вавилонской версиях. Шумеро-аккадский эпос складывался в III — начале II тысячелетия до н.э. Хронологически это древнейший эпос в мире. «Сохранившиеся книжные образцы шумеро-аккадского эпоса сами являются плодом длительного развития как в устной, так и в письменной форме, причем народно-поэтическая традиция осложнена взаимодействием с литературной традицией», отмечал Е. М. Мелетинский (*Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса...* С. 375). В образе Гильгамеша сочетаются черты культурного героя-первопредка (созидателя, защитника культурных завоеваний, искателя истины) и сказочного богатыря победителя чудовищ. Избавителями земли от чудовищ (и в этом основной смысл их деяний) затем станут и древнегреческие богатыри: Геракл, Персей и Тесей.

²⁹ *Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса...* С. 20.

чин, фольклор народов, с запозданием проходящих архаических период своего развития, сохранился лишь в пережиточных формах и изучался преимущественно только с историко-этнографических позиций. Более того, фольклор этих народов идеологически и жанрово не расчленен. Этот синкретизм характерен для первобытной мифологии, в ней-то и видит Е. М. Мелетинский начала героического эпоса. Позиция Е. М. Мелетинского, таким образом, расходится со взглядами В. М. Жирмунского и В. Я. Проппа, которые основой героического эпоса считали более позднюю архаическую стадию. Объективности ради необходимо признать, что Е. М. Мелетинский видит в народном творчестве эпохи идеологического синкритизма (эпохе первобытнообщинной) не одни только мифы, но и древнейшие сказки.

Е. М. Мелетинский не ставил перед собой задачи дать новое исчерпывающее объяснение различий между мифом и сказкой на ее древнейшей стадии, но при этом он подчеркивал: исследуя путь формирования героического эпоса, в котором содержится определенная «народно-поэтическая концепция исторического прошлого», необходимо учитывать наиболее древние мифологические воззрения. Вот почему, говоря о предыстории героического эпоса, Е. М. Мелетинский останавливается на изучении двух основных видов раннего эпического творчества — сказаниях о культурных героях (первопредках или демиургах) и древнейших формах «богатырской сказки».

В. Я. Пропп, изучая эпос тюрко-монгольских народов эпохи разложения первобытнообщинного строя, выделил для него две центральные темы: борьба с чудовищем и героическое сватовство. Е. М. Мелетинский добавил сюда еще одну тему — родовой мести. В. Я. Пропп показал, что главные проблемы догосударственного эпоса обращены против норм родового строя; Е. М. Мелетинский, напротив, достаточно убедительно доказал: «именно реализация родовых норм и заветов содержится в главных тематических циклах эпоса тюркских народов Сибири и бурят»³⁰.

Фольклор тюркоязычных народов знает стадильно разнообразные формы героического эпоса и тем самым является очень удобным материалом для изучения его генезиса. Этой проблеме посвящена книга В. М. Жирмунского об Алпамыше, где эпос изучается на фоне архаических эпосов народов Сибири и Средней Азии. В круг задач автора входят вопросы зарождения, распространения и образования специфически национальных версий «Алпамыша», а также проблема соотношения различных исторических ступеней

³⁰ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса... С. 259.

в его развитии как жанра героической эпопеи. В. М. Жирмунский сравнивает кунгратскую версию «Алпамыша» с алтайской поэмой «Алып-Манащ» и приходит к выводу об их типологической близости и, более того, о возможном происхождении «Алпамыша» (во всяком случае, его среднеазиатской версии) из архаической поэмы («богатырской сказки», по терминологии В. М. Жирмунского), подобной алтайской поэме. Иными словами, изучаемая тюрко-монгольская эпическая поэма могла, по его мнению, представлять собой трансформацию «богатырской сказки», отсюда и многообразие в ней мифологических и сказочных элементов. Однако В. М. Жирмунский не делает глобального вывода об обязательной генетической связи эпической поэмы с древней сказкой. Это лишь один из возможных путей происхождения эпоса.

Рассматривает В. М. Жирмунский также связь архаической эпики якутов и алтайских народов с киргизским эпосом о Манасе, основой которого является уже не богатырская сказка, а историческое предание. Однако, так же как в архаической эпике саяно-алтайских народов, в «Манасе» могут быть отмечены типологически близкие мотивы, связанные с героическим действием и героическим сватовством главного героя киргизской поэмы³¹.

Эпические поэмы типа «Манас» являются в определенной степени переходным звеном от архаического эпоса к классическому, то есть к эпосу, который содержит народную поэтическую концепцию исторического прошлого. Эпос, по Е. М. Мелетинскому, всегда историчен, ибо даже «в мифологических образах эпос выражает народный взгляд на историю, а не “перелицовывает” мифолого-психологические архетипы»³². И в этом взгляды Е. М. Мелетинского тесно соприкасаются с позицией В. Я. Проппа.

Историзм народного эпоса далек от конкретной действительности (как это хотелось бы видеть представителям исторической школы разных поколений), он становится народно-поэтическим обобщением. В эпической классике углублен и расширен, исторически конкретизирован «эпический фон», что привело к эволюции образа богатыря-воина.

Путь сложения классической эпики не был однозначным. Приверженцы историко-типологического направления показали, что какие-то произведения развитого героического эпоса выросли непосредственно из архаических форм эпоса путем их переосмысления и исторических трансформаций (например, «Рамаяна»

³¹ Жирмунский В. М. Введение в изучение «Манаса». Фрунзе, 1948. С. 22–23.

³² Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. С. 423.

и среднеазиатский «Алпамыш»); другие сформировались на базе исторического предания (сюда следует отнести индийскую «Махабхарату», «Илиаду» с широкой картиной Троянской войны, киргизский «Манас» с событиями Великого похода в Китай, армянского «Давида Сасунского» с его центральной идеей защиты христианства от язычества и др.). Былины тоже являются историческим эпосом, несмотря на их полистадиальный характер, что, впрочем, не является исключением из общей картины развития мирового эпического творчества. В целом, по Мелетинскому, эпический Киев русских былин — это и «историческое воспоминание, и поэтическое воплощение мечты об идеальном государстве полуродового типа, в котором эпический князь, персонифицирующий государственную власть, и богатырь, выражающий народные идеалы, находятся в патриархальных отношениях и имеют общие эпические цели»³³.

В дальнейшем в свете новых данных многие фундаментальные положения предшественников историко-типологической теории были уточнены, углублены и, в конечном счете, привели к новым открытиям. Высочайшую оценку Б. Н. Путилова получила, в частности, теория эпического замысла В. Я. Проппа, согласно которой сличение вариантов былин не может привести к определенному «протексту», «архетипу», а различные «варианты (версии, редакции) есть не что иное, как самостоятельные, по существу независимые друг от друга реализации замысла»³⁴. А это значит, что исследователь должен стремиться не выявлять следы первоначального, канонического текста или пытаться восстановить этот гипотетический текст, а рассматривать разные возможности народного замысла, заключенные в различных вариантных реализациях. Иными словами, необходимо прочесть былинку «в свете определяющих ее идей, в совокупности многообразных текстовых трактовок»³⁵.

Вслед за В. Я. Проппом, Б. Н. Путилов рассматривает сюжетную вариативность как первичное, изначальное качество эпического процесса, рожденное вместе с замыслом. Он полностью разделял мысль В. Я. Проппа о том, что создание эпического произведения не является одноактным моментом сочинения, а представляет собой длительный, иногда многовековой процесс, а потому рождение сюжета предполагает изначальное наличие множества вариантов. Тем самым, пишет Б. Н. Путилов, «мы вправе рассма-

³³ Там же. С. 446.

³⁴ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 150.

³⁵ Там же.

тривать вариативность трактовок, сюжетных ходов, эпизодов разной значимости на уровне синхронии»³⁶. Это означает, что, с одной стороны, вариативность может не затронуть главные моменты эпической семантики, с другой — «затрагивается сфера значений, обнаруживаются таящиеся в замысле смысловые сдвиги»³⁷.

Б. Н. Путилов видит принципиальную особенность эпического замысла (сюжета) в сложно расчленимом единстве синхронических и диахронических моментов. «Замыслу/сюжету органично свойственно движение, но это движение происходит на уровне как синхронии, так и диахронии, и именно оно обуславливает относительность цельности замысла»³⁸.

Живой эпос характеризуется единением «эпической семантики разностадиального уровня, “наложением” смыслов, подчас противоречащих один другому, проявлением разных тенденций движения сюжета, которое по-своему сказывается на разных его участках»³⁹. Кроме того, в вариантах заключаются и достаточно ясно обозначенные следы «вторичности», связанные с историческим развитием замысла. Эта «вторичная» вариативность, как отмечает Б. Н. Путилов, «фиксируя разнообразные, существенные и частные сдвиги в замысле, поддерживает, по-своему сохраняет и выражает глубинные — структурные и семантические связи с “первоначальным” ядром замысла и с его “исконными” элементами. В ней специфическим образом соединяются традиция и новое»⁴⁰.

Историко-типологический и структурно-типологический методы представляют собой разновидности единого метода. Этот метод позволяет «проникнуть к основам эпического замысла, воссоздавать его в главном его содержании и составляющих частностях, обнаруживать в нем противоречия и видеть пути развития, а вместе с этим читать тексты, проясняя заключенные в них загадки. Сравнительно-типологический метод открывает также путь к уяснению общих закономерностей вариативности как важнейшего механизма эпосотворчества»⁴¹.

Определение и обоснование основных законов развития эпоса — главный вклад Б. Н. Путилова в историко-типологическую теорию. Эпический мир по существу не поддается реально-исторической идентификации, он не возводим к какому-либо исто-

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 151.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 152.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 153.

рически определенному периоду, «как равным образом не может быть представлен в виде комбинации элементов, принадлежащих стадияльно и хронологически разным таким периодам»⁴². Таким образом, соотнесенность эпического мира с реалиями жизни возможна только в рамках четких границ, которые и обуславливают самостоятельность, особую «внутреннюю завершенность эпического мира как специфического исторического феномена»⁴³. Бытовая реальность, если она попадает «в эпическое поле», подвергается пересмотру и приобретает «характер типовой», поскольку утрачивает связи с реальностью и получает свои функции и свою семантику.

Многолетняя работа Б. Н. Путилова по изучению истории фольклорных жанров (былин и баллад в первую очередь) привела его к осознанию языковых универсалий, к раскрытию ряда законов эпического языка, его эстетической сущности (теория типологической преемственности и типологической последовательности, закономерности второго сюжетного плана и скрытой типовой мотивировки героя — подтекста). Все это — ключевые моменты для выяснения основных значений как отдельных памятников, так определенных разновидностей эпических жанров.

Новая, столь успешно заявившая о себе историко-типологическая школа, созданная в середине XX в., формировалась постепенно. В. М. Жирмунский и В. Я. Пропп обосновали эту теорию и подошли к выявлению единства закономерностей эпического творчества. Е. М. Мелетинский уточнил ряд существенных положений теории на максимально широком материале «живущего» еще эпоса, показал многообразие национальных художественных форм эпоса и их историческую смену. Б. Н. Путилов сосредоточил свое внимание не на доказательстве типологического сходства, а на возможности «через типологические соответствия, параллели объяснить загадки тех или иных сюжетов, неясностей, противоречий, и, в конечном счете, подойти к объяснению самого механизма возникновения таких сюжетов в разных традициях»⁴⁴, а значит — проникнуть во внутренние законы фольклорного творчества.

⁴² Там же. С. 8.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Путилов Б. Н.* Теоретические проблемы современной фольклористики. СПб., 2006. С. 238.